

Болезнь Некрасова. Сборник «Последние песни» — поэтическое завещание Некрасова

«Пир на весь мир» писался Некрасовым осенью 1876 года в Ялте, куда поэт уехал с лечебными целями. Дело в том, что обнаружившаяся с достаточной ясностью уже в начале 1876 года болезнь его неуклонно прогрессировала, заставляя поэта переживать нечеловеческие мучения и давая ему очень мало надежды на выздоровление. После возвращения из Крыма, а в особенности к весне 1877 года здоровье Некрасова ухудшилось, боли сделались совершенно невыносимыми. Тем не менее, преодолевая их, а также пользуясь кратковременными перерывами, Некрасов продолжал работать как поэт. У него созрело намерение выпустить книжку своих стихотворений, не вошедших в последнее их издание (1873—1874). Это намерение он привел в исполнение и 24 марта 1877 года выпустил книгу под заглавием «Последние песни», которая является как бы его поэтическим завещанием.

«Последние песни» — книга, представляющая огромный интерес и по своему содержанию и по своей композиции, по строго обдуманному и необыкновенно удачному размещению материала.

Некрасов был не только великим поэтом, но и выдающимся редактором. Редакторский его талант прежде всего сказался в том, что он более чем успешно вел два самых лучших журнала середины и второй половины XIX века — «Современник» и «Отечественные записки». Однако с неменьшим блеском этот талант проявился в составлении его собственных книг, т. е. собраний его стихотворений.

Редакторское мастерство Некрасова ярко сказалось и при составлении «Последних песен».

«Последние песни» — сравнительно небольшая книжка. В ней всего 172 страницы. Это не нарушает, а скорее усили-

вает ее цельность как в идеологическом, так и в художественном отношении. Прямо-таки поразительно, что подобную книжку удалось подготовить к печати и выпустить писателю, умиравшему в тяжких мучениях; мало того, писателю, вовлеченному в процессе подготовки своей книги в небывало жестокую борьбу с цензурой, особенно теснившей его накануне смерти.

«Почему, — спрашивает в своей «Заметке» сестра поэта А. А. Буткевич, — многие стихи брата не вошли при жизни в „Последние песни“ и почему некоторые из вошедших были сокращены? ... Издавая „Последние песни“ в последний год своей жизни, брат выпустил из них все, что хотя сколько-нибудь могло быть поводом к столкновению с цензурой, относившейся к нему, во время болезни, крайне придирчиво».¹

Десятки стихотворений, в том числе такие замечательные, как «Элегия», «Путешественник», «Смолкли честные, доблестно павшие», «Как празднуют трусу», «Что нового?», «Праздному», «Отрывок» («Я сбросила мертвящие оковы»), «Молодые лошади», «Вестминстерское аббатство» и др. Некрасов просто не рискнул представить в цензуру. В результате из более чем полсотни стихотворений, написанных им после выхода в свет шестой части последнего прижизненного издания его стихотворений он внес в «Последние песни» только 22 стихотворения.

Справедливость требует оговорить, что в данном случае наряду с цензурным воздействием и опасениями цензурного воздействия сыграли немаловажную роль и другие причины и прежде всего то, что Некрасов подвергал материал, намеченный для «Последних песен», строжайшему отбору.

Стихотворения, не удовлетворявшие его художественный вкус, он отбрасывал точно так же, как отбрасывал все недоделанное и не вполне завершенное. В иных случаях оставлял в стороне и такие стихотворения, которые по своему содержанию, жанровым особенностям и интонации не вполне подходили к сборнику и могли звучать в составе его как некий диссонанс.

И все же, несмотря на свою неполноту, рассматриваемый сборник поражает своей идеологической четкостью и высоким художественным уровнем.

Припомним прежде всего его содержание:

---

¹ «Литературное наследство», кн. 49—50, Н. А. Некрасов, т. I, Изд. АН СССР, М., 1946, стр. 174.

Отдел первый

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Вступление к песням 1876—1877 годов. Сеятелям. Молебен. 3-не.

Пророк (из Барбье). «Скоро стану добычею тленью». «Дни идут».

Друзьям. 3-не. Музе. Уныние. Три элегии. Страшный год. Поэту.

Утро. Поэту. Горящие письма. Приговор. 3-не.

Отдел второй

СОВРЕМЕННОКИ

Часть первая: Юбиляры и триумфаторы.

Часть вторая: Герои времени (траги-комедия).

Отдел третий

Из поэмы: Мать. Отрывки.

Баюшки-баю.¹

При поверхностном взгляде на содержание сборника возникает недоуменный вопрос: где же стихи о народе и для народа, которому, как известно, Некрасов посвятил свои лучшие произведения, о котором не уставал твердить в своих поэтических декларациях? Эти стихи в «Последних песнях» есть, хотя изъятие цензурой «Пира на весь мир» помешало им занять в сборнике первенствующее место.

Вот, например, ярчайшая картинка из жизни народа в эпоху крепостного права, уже упраздненного, но своими пережитками не устававшего напоминать о себе:

Какая жизнь! Полотна, тальки, куры
С несчастных баб; соседи — дикари,
А жены их безграмотные дуры...
Сегодня пир... псари, псари, псари!
Пой, дочь моя! среди самого разгара
Твоих рулад, не выдержав удара,
Валится раб... Засмейся! всем смешно...

(«Из поэмы: «Мать»).

Вот не менее потрясающая картина голодающего селения!

Холодно, голодно в нашем селении.
Утро печальное — сырость, туман,
Колокол глухо гудит в отдалении,
В церковь зовет прихожан.
Что-то суровое, строгое, властное
Слышится в звоне глухом,
В церкви провел я то утро ненастное —
И не забуду о нем.

¹ Последние песни, стихотворения Н. Некрасова, Санктпетербург, 1877, Оглавление.

Всё население, старо и молодо,
 С плачем поклоны кладет,
 О прекращении лютого голода
 Молится жарко народ.
 («Молебен»).

Вот столь близкий всем, кто знает и любит Некрасова, волжский пейзаж, неразрывно опять-таки связанный с мыслью о бедствующем народе:

Чтоб отдохнуть душою несвободной,
 Иду к реке — кормилице народной...
 С младенчества на этом мне пути
 Знакомо всё... Знакомой грусти полны
 Ленивые, медлительные волны...
 О чем их грусть?.. Бывало, каждый день
 Я здесь бродил в раздумьи молчаливом
 И слышал я в их ропоте тоскливом
 Тоску и скорбь спопутных деревень... .

Приведенные стихи взяты из великолепной элегии Некрасова «Уныние». Однако и ее в нескольких местах коснулись «адские ножницы» царской цензуры.

Так, между прочим, погибли в цензуре строки, изображающие падеж скота и томиящие душу поэта предчувствия, что снова надвигается голод:

Ужели бог не сжалится над нами,
 Сожженных нив дождем не оживит.
 И мельница с недвижными крылами
 И этот год без дела простоят?

Ужель опять наградой будет плугу
 Голодный год?.. Чу! женщина поет!
 Как будто в гроб кладет она подругу.
 Душа болит, уныние растет.

(«Уныние»).

Наибольшее, быть может, впечатление из всего, рисуемого в «Последних песнях» народ и его горькое житье-бытье, производит знаменитая бурлацкая песня «В гору» в тексте «Современников», в которой мотив эксплуатации труда капиталом достигает такой же выразительности, как и в «Железной дороге». Однако при внимательном сопоставлении песни, которую поют строители железной дороги, с песней «В гору» в последней обращают на себя внимание такие стихи:

Ухни, ребята! гора-то высокая!..
 Кама утрямая! Кама глубокая!

Нет те конца!..
 Эдак бы впрячь

В лямку купца —
Лег бы богач! . . .
(«Современники»).

В последних трех стихах нельзя не усмотреть проявления пробуждавшегося в народной среде классового самосознания, которое в конечном своем развитии приводит к восстанию эксплуатируемых против эксплуататоров.

Во всяком случае более чем с достаточными основаниями можно утверждать, что в «Последних песнях» Некрасов остался верен народолюбивому строю своей лиры.

Об этом с чрезвычайной отчетливостью свидетельствуют и те лирические стихотворения сборника, в которых даны образы «друзей народа».

Среди них первое место, разумеется, занимает стихотворение «Сеятелям», не случайно помещенное в самом начале сборника. Это стихотворение рассматривалось обычно как вдохновенное приветствие работникам на ниве народного просвещения. Но дело не только в этом. Гораздо более важным и значительным является другой, главный смысл этого стихотворения — оно своего рода воззвание, обращенное к борцам за освобождение народа.

И это поняли не только друзья, но и враги поэта. «Печать наша. . .», — писал директор департамента полиции В. К. Плеве, — упорно стоит на мысли, что все отрицательные стороны современной русской жизни могут быть искоренены помощью государственного переустройства. . . Под влиянием этого. . . создались литературные произведения тенденциозного направления с наклоном в воззрениях на государственный строй — к республике, в общественно-экономических — к коммунизму, в религиозных вопросах — к атеизму. . .

«Здесь нельзя пройти молчанием то губительное влияние, которое имело на молодежь сочувствие Некрасова первым проявлениям практической революционной деятельности. Этот талантливый печальник, по выражению его друзей, народного горя, стоя на краю могилы, ободрял пропагандистов стихами, которые заучивались и повторялись с упоением подрастающим поколением:

. . . Двиньтесь вперед!¹
Сейте разумное, доброе, вечное!

¹ В. К. Плеве не удержался от передержки; последние слова строк:

Труд засевающих робко, крупными,
Двиньте вперед!

он не постеснялся заменить словами: «Двиньтесь вперед!» — более одиозными по своему смыслу.

Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...»¹

Если стихотворение «Сеятелям» — это первое стихотворение сборника «Последние песни», то второе место занимает стихотворение «Молебен». В нем Некрасов сделал попытку поставить точки над *i*, т. е. разъяснить, кого он понимает под теми, кто наиболее преданно и самоотверженно служит народу, и чья служба наиболее полезна ему и необходима. Рисуя своего лирического героя, образ которого в данном случае сливается с образом самого автора, молящимся среди прихожан сельского храма, он вкладывает в его уста такие слова:

«Милуй народ и друзей его, боже! —
Сам я невольню шептал: —
Внемли моление наше сердечное
О послуживших ему,
Об осужденных в изгнание вечное,
О заточенных в тюрьму,
О претерпевших борьбу многолетнюю
И устоявших в борьбе...»

Царская цензура вычеркнула из приведенного отрывка наиболее острые строки — 5-ю и 6-ю, но все же была не в силах вытравить более чем определенный смысл сказанного поэтом.

Уцелевшие строки достаточно внятно говорят о том, что «служить народу» — это значит претерпевать многолетнюю борьбу во имя социального и политического раскрепощения народных масс.

Образ борца за счастье народа, так именно понимаемый, содержится и в четвертом стихотворении сборника, в знаменитом стихотворении «Пророк». Над ним также поработала царская цензура. Ею было выброшено заключительное четверостишие. Затем, подчиняясь ее требованиям, Некрасов должен был назвать это стихотворение не именем того деятеля, которого он имел в виду, — Чернышевского, а более нейтрально — «Пророк», с подзаголовком «Из Барбье».

Однако, несмотря на изъятие заключительного четверостишия и на вынужденное изменение заглавия, рассматриваемое стихотворение занимает одно из центральных мест не только в сборнике «Последние песни», но и в поэзии Некрасова вообще. Оно продолжает и завершает те поиски положительного

¹ «Литературное наследство», кн. 49—50, Н. А. Некрасов, т. I, Изд. АН СССР, М., 1946, стр. 524, 525, 526.

героя, которые Некрасов начал еще в 40-х годах. Положительный же герой, по глубочайшему убеждению Некрасова, прежде всего — борец за народное счастье. Под таким именно углом зрения Некрасов рассматривал в стихотворениях 50-х и 60-х годов Белинского (поэма «Белинский» и «Медвежья охота») и Добролюбова («Памяти Добролюбова»).

Изъятие «Пира на весь мир» из «Отечественных записок», а затем, возможно, и из текста «Последних песен», так болезненно переживалось Некрасовым отчасти потому, что в «Пире на весь мир» он вплотную подошел к созданию обобщенного образа положительного героя, впитавшего в себя, наряду с некоторыми индивидуальными чертами, заставляющими вспоминать и о Добролюбове, и о Чернышевском, ряд черт, типических для русского революционера-демократа. Речь идет об образе Григория Добросклонова, о котором с такой силой и выразительностью поэт сказал:

Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

Итак, несмотря на тяжкие увечья, причиненные цензурой «Последним песням», в этом сборнике с достаточной определенностью, хотя, быть может, и без достаточной полноты, нашли себе поэтическое выражение думы Некрасова о народе, об его бедственном положении, наконец, о том герое, «народном заступнике», которому суждено «вывести народ из тьмы», т. е. проложить путь к народному счастью.

Сказанное приводит также к выводу, что эстетические взгляды Некрасова в сборнике «Последние песни» оставались теми же, что и тридцатью годами раньше. Это можно было бы доказать рядом примеров.

Если в стихотворении «Отрывок» (1848) Некрасов назвал избиваемую кнутом крестьянскую девушку родной сестрой вдохновлявшей его скорбной музы, то теперь в сборнике «Последние песни» он пошел дальше, как об этом свидетельствует его стихотворение «Музе»:

О муза! наша песня слета.
Приди, закрой глаза поэта
На вечный сон небытия,
Сестра народа — и моя!

Здесь муза не только сестра девушки из народа, но и сестра самого народа; мало того, она сестра поэта. Следова-

тельно, связь между музой, народом, самим поэтом стала еще теснее, еще крепче.

Поскольку муза поэта — сестра народа, ее назначение определяется в «Последних песнях» так же, как его определил Некрасов многими годами ранее.

Уже во «Вступлении» к «Последним песням» поэт, обращаясь к музе, восклицает:

Могучей силой вдохновенья
Странья тела победы,
Любви, негодованья, мщенья
Зажги огонь в моей груди!

К кому любовь? Ясное дело, к народу. Против кого негодует поэт? Ясное дело, против угнетателей народа. Кому он собирается мстить? Все тем же угнетателям народа. В основу только что приведенных стихов положена та же мысль, что и в основу знаменитого, постоянно цитируемого четверостишия:

Примиритесь же с Музой моей!
Я не знаю другого напева.
Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей. . .

(«Газетная»).

Разница лишь в том, что последнее четверостишие писалось полным сил и здоровья поэтом, а «Вступление» к «Последним песням» — человеком не только умирающим, но и сознающим, что он умирает, человеком, страдания которого, невыразимые страдания тела, были побеждены силою духа, силою вдохновения.

Здесь уместно подчеркнуть, что хотя в «Последних песнях» нередко звучат и мрачные ноты, порожденные как «мучительным недугом», терзавшим умирающего («Не ложе, иглы подо мной»), так и невыразимо горькими впечатлениями действительности: прогрессирующим обнищанием народа, назревавшей кровавой войной, жесточайшей расправой правительства с деятелями революционного движения, — все же «Последние песни» отнюдь не пессимистическая книга.

Не сомневаясь в своей скорой и неизбежной кончине, поэт знает, что ему не дожить до лучших времен. Пусть так, но его друзья, его верные соратники доживут. И особенно многозначительным является следующее обращение к ним поэта:

Вам же — не праздно, друзья благородные,
Жить и в такую могилу сойти,

Чтобы широкие лапти народные
К ней проторили пути...
(«Друзьям»).

Возвращаясь к вопросу об эстетических установках «Последних песен», не следует забывать стихотворения «Поэту» (1874), в котором вопрос об обличительной миссии поэта ставится с большей резкостью, чем в ранних, хорошо нам известных стихотворениях («Вооружись небесными громами», «Казни корысть, убийство, святотатство»).

Именно поэтому Некрасов внес во второй отдел «Последних песен» поэму «Современники».

Включение ее в «Последние песни» имело свою целью подчеркнуть, что и «у края гроба», даже накануне смерти поэт не опускал взора перед ненавистными ему врагами народа, алчными и хищными буржуа-капиталистами, в сатирическом разоблачении которых видел одну из своих главных миссий.

«Последние песни» — книга в основе своей лирическая, и не только потому, что из трех отделов этой книги два состоят, без всякого преувеличения, из подлинных перлов классической русской лирики, а главным образом потому, что «Последние песни» воспринимаются читателем в целом именно как книга, исполненная самого глубокого, самого проникновенного лиризма.

Не так давно нам посчастливилось разыскать запись замечательных слов Н. Г. Чернышевского, дающих как общую оценку поэзии Некрасова, так и оценку «Последних песен»: «Вот вы упомянули... — сказал Чернышевский в беседе с одним знакомым, — хваленого N [Надсона], с которым все, особенно дамы, почему-то носятся. Красиво, тепло — и только. Вы говорите: „гражданская скорбь“... Какая там скорбь гражданская! Обычные плещеевские мотивы с собственными вариациями. Нытье, не спорю, искреннее, но оно вас не поднимает. Хныканьем не заставить плакать других. Если хочешь, чтобы тебя слушали, надо рыдать и смеяться, как Байрон, Гейне, Гоголь, Некрасов. Кстати, мнение Гоголя о будущности русской поэзии: „Скорбью ангела загорится наша поэзия“. Пророчество сбылось на Некрасове. На-днях я перечитал его от доски до доски... Неотразим! Взять хотя бы „Последние песни“. Он ведь только о себе, о своих страданиях поет, но какая сила, какой огонь! Ему больно, вместе с ним и нам тоже».¹

¹ «Литературное наследство», кн. 49—50, Н. А. Некрасов, I, Изд. АН СССР, М., 1946, стр. 602.

Основная особенность лиризма Некрасова, делающая его «неотразимым», как выразился Чернышевский, сказавшаяся, само собой разумеется, и в «Последних песнях», — это отсутствие сколько-нибудь резко обозначенной грани между личным и гражданским. Это объясняется тем, что Некрасовым, — в этом как раз и заключается огромное различие между ним и большинством его предшественников, — гражданское, общественное воспринимается и переживается как интимно-личное.

Об этом свидетельствуют почти все стихотворения первого отдела «Последних песен». Даже говоря о любимой женщине, Некрасов или изображает ее как верную, самоотверженную помощницу в его предсмертном труде, труде поэта-гражданина («Зине» — «Пододвинь перо, бумагу, книги!»), или высказывает ей свои задушевные мысли о том, что дает человеку право на бессмертие («Зине» — «Ты еще на жизнь имеешь право»):

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата человека,
Только тот себя переживает.

У Некрасова, как известно, не было более интимно-личных, а вместе с тем и более святых воспоминаний, как воспоминания о матери, которой он считал себя бесконечно многим обязанным. Тем не менее, и в «Рыцаре на час» и особенно в поэме «Мать» Некрасов, не оставляя интимно-лирического тона, умеет, говоря о личном, о матери, придать вопросу широкую общественную постановку.

Я много лет среди трудов и лени
С постыдным малодушьем убегал
Пленительной, многострадальной тени,
Для памяти священной. Час настал!

Быть может, я преступно поступаю,
Тревожа сон твой, мать моя? прости!
Но я всю жизнь за женщину страдаю:
К свободе ей заказаны пути;
Позорный плен, весь ужас женской доли,
Ей для борьбы оставил мало сил,
Но ты ей дашь урок железной воли...
Благослови, родная: час пробил!
В груди кипят рыдающие звуки,
Пора, пора им вверить мысль мою!
Твою любовь, твои святые муки,
Твою борьбу — подвижница, пою!..

Таким образом, рассказу о судьбе своей матери поэт совершенно сознательно и обдуманно придает характер трого-

Прочти им твою, величавую
песню, дорогой нашей свободной
Николай Александрович и Александр
у нас сердце: мы знаем давно
читать про твою страданья,
но великому уважать твое
самолюбие, да и никому буди
машин. Свободы, правда,
только рад, которому твое
сердце свое не отвечать
беспокой, и не смей твою
милость и твоему и радость наша
и не скоро еще узнаешь твою.
Но законить все задумь твою наш,
уваженье русскому народу?
Аного, правда, твоему сто
грамм надежды нам в нас,
но неслим нам в сердце
самолюбие, святому свободь
и народу, ту свободь, что

Адрес студентов Петербургского университета и Медико-хирургической
академии, поднесенный Н. А. Некрасову.

тельного повествования о подвиге выдающейся по своим духовным свойствам женщины, которая и может и должна служить примером для других.

Я не ищу ей позднего венца.
Но я хочу, чтоб свет души высокой
Сиял для вас, средь полночи глубокой,
Подобно ей несчастные сердца!..

Несмотря на узкую сферу ее деятельности, мать все же сделала очень много. Она спасла своих детей от растлевающего влияния среды («Во мне спасла живую душу ты!»), всеми доступными ей способами стремилась она облегчить положение крепостных рабов («Но лишний раз не сжало чувство страха его души — ты то дала рабам»). Накануне смерти одержала она великую моральную победу над деспотом-мужем:

И вспыхнул день! Он твой: ты победила!
У ног твоих — детей твоих отец!..

В последнем заключительном стихотворении сборника «Баюшки-баю» образ матери поэта сливается с другим, более великим образом — образом матери-родины. Мать-родина напутствует его в могилу такими словами:

Усни, страдалец терпеливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою,
Баю-баю-баю-баю!

Не бойся горького забвенья;
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...
Уступит свету мрак упрямый,
Услышишь песенку свою.
Над Волгой, над Окой, над Камой;
Баю-баю-баю-баю!..

Вера Некрасова в освобождение и счастье своей родины осуществилась, полные горячей любви к родине стихи великого поэта-демократа звучат по всей свободной, гордой и счастливой советской земле.

«Последние песни» в полном смысле этого слова были «лебединой песнью» Некрасова.¹

¹ Правда, VII вып. «Русской библиотеки» в издании М. Стасюлевича, включивший некоторое количество избранных стихотворений Некрасова, вышел месяцем позже «Последних песен». Но эта книжечка не была в такой мере детищем Некрасова, как «Последние песни».

Вскоре после издания их поэт подвергся сложной и тяжелой операции, но операция лишь несколько ослабила его страдания, а спасти его уже не могла. Однако и после операции, продолжая себя чувствовать обреченным на смерть, Некрасов не прекращал своей поэтической работы. Им было написано несколько небольших лирических стихотворений, каковы, например: «Ты не забыта», «Осень», «Сон» («Мне снилось: на утесе стоя»), «Я сбросила мертвящие оковы», «О, Муза! я у двери гроба». Стихотворение «О, Муза», по указанию А. А. Буткевич, было последним стихотворением Некрасова. Он написал его в том самом месяце (декабрь), в конце которого ему суждено было скончаться.

Длительные страдания Некрасова не в состоянии были заставить иссякнуть его поэтическое вдохновение. До самой смерти он не переставал творить, причем некоторые из созданных им в период болезни произведений («Пир на весь мир», «Мать», стихотворение «Баюшки-баю») нельзя не признать первостепенными и по их общественному значению и по их художественной ценности. Образ поэта, который в течение целых двух лет, стоя, в самом буквальном смысле этого слова, «у двери гроба», не выпускал из рук своего поэтического сружия и продолжал пропаганду самых передовых идей его эпохи, приобретает поистине трагические красоту и величие.

Лучшие люди того времени проявляли большое внимание к умирающему поэту.

Кому не известны те трогательные адреса, которые были преподнесены Некрасову революционным студенчеством целого ряда высших учебных заведений? Или те, преисполненные искренним сочувствием, телеграммы, которые он получил из Сибири от политических ссыльных?! Или те, хватающие за душу слова, которые были переданы ему Пыпиным от далекого вилюйского узника — Н. Г. Чернышевского?!

Эти слова позволяют утверждать, что великий вождь русской революционной демократии видел в Некрасове «гениальнейшего и благороднейшего из всех русских поэтов». Выше этой оценки, по крайней мере в те времена, быть не могло.

